

У каждого были свои мысли, свои выборы и свои пути. Когда Чжэн Пин решил открыть филиал, Гао Тинцюань уже давно размышлял о том, не заняться ли ему недвижимостью на Хайнани. Он увидел совершенно новый путь заработка на квартирах в Олимпийской деревне, который приносил больше, чем западный фастфуд, хотя и требовал больших вложений, но и прибыль была значительной.

Гао Тинцюань долго обдумывал это и, после того как Чжэн Пин уехал из Пекина, наконец, высказал свои мысли Хань Чжицзюню. Он хотел привлечь Хань Чжицзюня к этому делу, чтобы зарабатывать вместе, а в будущем, возможно, подключить и Чжэн Пина.

Но Хань Чжицзюнь отказался. Он прошёл через многое, испытал трудности, зарабатывал большие деньги, был владельцем бизнеса, но и падал с высоты. Теперь, зарабатывая на «Иянцзи», с любимыми и детьми рядом, он чувствовал себя счастливым и не хотел больше рисковать.

После обсуждения с Чэнь Линлинь, Хань Чжицзюнь одолжил Гао Тинцюаню 100 000 юаней. Это была немалая сумма — в то время на эти деньги можно было открыть закусочную. Гао Тинцюань тоже продал квартиру в Олимпийской деревне и, собрав несколько сотен тысяч, добавил к ним 100 000, которые одолжил у Хань Чжицзюня, и отправился на Хайнань.

Вскоре наступил конец 1990 года, и 1991-й был уже на пороге. В маленьком дворике плети на стенах засохли, дикие цветы и трава исчезли, остался только слой тающего инея, создавая ощущение уныния, одиночества и холода.

Чжэн Пин ещё не вернулся из провинциального центра, Гао Тинцюань в одиночестве отправился на Хайнань. Цици начала учиться балету, маленькая девочка с косичками каждый день сидела на велосипеде своей мамы, отправляясь к учителю, иногда на целый день, иногда только на полдня.

Чжэн Хайян больше не мог бегать голышом с Хань И под вентилятором, рассказывая истории, или сидеть на маленьком стульчике, обрезая ему ногти на ногах. Они сидели в доме, держа в руках грелки, одетые в красные свитера, которые связала им Чэнь Линлинь.

Хань И стал говорить больше, его словарный запас расширился, но он по-прежнему больше всего любил быть рядом с Чжэн Хайяном, проводя с ним весь день, и его любимым словом по-прежнему было «братик».

Когда приближался Новый 1991 год, Чжэн Пин наконец вернулся. Он был одет в толстую куртку, шарф и шапку, и вернулся без чемоданов — он пришёл забрать Чэн Баоли и сына. Помещение для магазина в провинциальном центре уже было выбрано, строительная бригада начала ремонт, и ему нужна была помощь. Чэн Баоли поехала помочь, а заодно дедушка и бабушка Чжэн соскучились по внуку.

Гао Тинцюань уехал на Хайнань, Хань Чжицзюнь и Чэнь Линлинь остались следить за пекинской закусочной, а Чжэн Пин и Чэн Баоли отправились в провинциальный центр заниматься филиалом.

Все разделили обязанности, и всё шло гладко. Чэнь Линлинь и Чэн Баоли было грустно расставаться, но ничего не поделаешь. С тех пор как они познакомились в начале 1989 года, это был первый раз, когда им пришлось разлучиться.

Сборы и отъезд заняли всего полдня. Чжэн Хайян знал, что они уезжают, но Хань И не понимал, что происходит. Взрослые считали, что дети должны ехать с ними, и никто не

обратил внимания на мир детей.

Чжэн Хайян понимал, что остаться нельзя, разумом он осознавал, что нужно ехать, но в сердце ему было грустно расставаться с Хань И. Пока взрослые собирали вещи, Чжэн Хайян тайком взял Хань И за руку и сказал:

— Братик уезжает в провинциальный центр на несколько дней, ты будешь себя хорошо вести, понял?

Хань И не совсем понимал, что значит «уезжать», но слова «хорошо вести» он знал. Он кивнул, его большие чёрные глаза смотрели на Чжэн Хайяна.

Чжэн Хайян, глядя на этот наивный, прямой и полный доверия взгляд, почувствовал, как на душе стало тяжело. Он обнял Хань И, поцеловал его мягкую и немного холодную щеку, а затем ещё раз.

Хань Чжицзюнь и Чэнь Линлин с сыном проводили семью Чжэн Пин на вокзал. На перроне они попрощались. Чэнь Линлин, держа сына на руках, помахала Чжэн Хайяну, сидящему у окна зелёного поезда, и подняла руку сына:

— Хань И, скажи братику «до свидания», братик уезжает.

Хань И мягким голосом сказал:

— Братик, до свидания.

Хотя он ничего не понимал.

Чжэн Хайян сидел у окна, окно было открыто, и он помахал Хань И. Но вскоре сосед по купе закрыл окно, чтобы не дул холодный ветер, и Чжэн Хайян мог только махать через стекло.

Взрослые помахали друг другу на прощание, поезд дал гудок, и Хань Чжицзюнь с семьёй отошли, наблюдая, как поезд медленно удаляется.

Хань И, ничего не понимая, смотрел на зелёный поезд, а затем пошёл домой с взрослыми. Вернувшись домой, он бегал по двору и спрашивал:

— Мама, а где братик?

Чэнь Линлин ответила:

— Братик уехал, вернулся в провинциальный центр. Ты же только что сказал ему «до свидания», помнишь?

Тогда Хань И понял, что значит «братик, до свидания». Он замер на месте, губы его задрожали, глаза покраснели, и он громко заплакал, крича:

— Я хочу братика!! Я хочу братика!! Братик, не уезжай!! Мама, верни братика!!

Чжэн Хайян вернулся с родителями в провинциальный центр. Прошло полгода, но город почти не изменился, он остался таким, каким Чжэн Хайян его помнил.

Первое время Чжэн Хайян с трудом привыкал к влажному холоду, который был совсем не похож на сухой холод севера. Каждый день он сидел в доме, обнимая грелку, и мёрз, как

собака. Но самое главное — Чжэн Хайян чувствовал себя пустым, одиноким и холодным.

Каждое утро, позавтракав, он не знал, чем заняться. Телевизор показывал всего десяток каналов, и он переключал их туда-сюда, но ничего интересного не находил. Хань И не было рядом, и Чжэн Хайян не знал, чем себя занять. Раньше он занимался ребёнком, рассказывал ему истории, а теперь мог только смотреть телевизор.

В этом месте, где они теперь жили, не было детей, как в Пекине, где ребяташки целыми днями носились по улицам. Напротив находилась школа, а внизу — лавка. В определённое время можно было слышать звонки на уроки и музыку для зарядки, а после уроки ученики выходили из школы с рюкзаками.

Чжэн Хайян скучал, очень скучал. С понедельника по пятницу, когда начиналась музыка для зарядки, он прыгал вместе с ней. Он помнил, что когда-то делал восьмой комплекс упражнений, а сейчас был только шестой, и ритм был другим. Но Чжэн Хайян не обращал на это внимания и просто прыгал.

Чжэн Пин и Чэн Баоли каждый день были заняты ремонтом магазина, закупками материалов, и Чжэн Хайян почти не видел их, кроме времени приёма пищи.

Так прошло больше десяти дней. Школа напротив закрылась на каникулы, музыка для зарядки прекратилась, и у Чжэн Хайяна не осталось даже этого развлечения.

Скучно, очень скучно... Он бродил по дому, переходя из комнаты в комнату, роюсь в шкафах, и вдруг обнаружил, что не взял с собой свои сбережения!! Его тысяча с лишним юаней осталась в игрушках Хань И.

Боже, Чжэн Хайян чуть не заплакал от своей глупости.

А в Пекине Чэнь Линлин за эти десять дней чуть не сошла с ума от переживаний. С тех пор как Хань И понял, что его братик уехал, он не переставал плакать.

Внимание детей не такое устойчивое, он плакал, потом забывал, почему плакал, и успокаивался, а потом снова начинал плакать, всё время крича: «Братик!». Мама Цици попросила Цици успокоить его, но после нескольких попыток она не смогла, и мама Цици не выдержала:

— Ты же целыми днями играешь с братиком, почему не можешь его успокоить?

Цици закатила глаза и пробормотала:

— Это его маленькая невеста успокаивала, а я не его невеста.

Хань И не только плакал, но и требовал, чтобы его отвезли на вокзал, чтобы найти братика. Когда за ним не следили, он убегал. Малыш, который только начал ходить, теперь бегал так быстро, что Чэнь Линлин и Хань Чжицзюнь наконец поняли, что их сын обладает невероятным талантом к бегу. В одно мгновение он мог исчезнуть, выбежать за ворота, и когда они выходили, он уже был далеко.